

§1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Лапаева В.В.

ПРИВАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация: Проблема несоответствия приватизации социалистической собственности Конституции РФ рассматривается в следующих аспектах: 1) отступление от конституционных положений о равенстве граждан перед законом и судом; 2) нарушения приватизационного законодательства; 3) неправовой (противоречащий правовому принципу формального равенства) характер десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации. Основное внимание уделено автором анализу концепции цивилизма – постсоциалистического общественного строя, в основе которого лежит новая форма индивидуальной (не общественной и не частной) собственности как итог применения правового принципа формального равенства к процессу десоциализации социалистической собственности. Обосновывается значение этой концепции для определения конституционно-правовых параметров общественного договора о собственности, без достижения которого невозможно нормальное экономическое и политико-правовое развития страны. Данная концепция очерчивает правовые параметры такой десоциализации, позволяющие вписать ее в рамки действующей Конституции. Научный потенциал концепции позволяет определить конституционно-правовые контуры общественного договора о собственности.

Abstract: The problem of socialist ownership privatization inconsistency with the Constitution of the Russian Federation is considered in the following aspects: 1) Departure from the constitutional provisions on equality of citizens before the law and court; 2) Violation of the privatization legislation; 3) Unlawful (contrary to the legal principle of formal equality) nature of de-socialization of socialist property through its privatization. The author focuses on the analysis of the civilism concept, i.e. post-socialist social system based on the new form of personal (neither public nor private) property as a result of applying legal principle of formal equality in the process of de-socialization of socialist property. The author justifies the importance of this concept for the determination of constitutional and legal parameters of the social contract on property, without which it would be impossible to achieve normal economic, political and legal development of the country. This concept outlines the legal parameters of such de-socialization, allowing it to enter into the framework of the existing Constitution. Scientific potential of the concept allows defining the constitutional and legal contours of the social contract of property.

Ключевые слова: приватизация, социализация, социалистическая собственность, конституция, принцип равенства, справедливость, цивилизм, Конституция РФ, индивидуальная собственность, концепция

Keywords: privatization, socialization, socialist property, constitution, the principle of equality, justice, civilism, Constitution of the Russian Federation, individual property, concept.

В год двадцатилетнего юбилея Конституции РФ ее положения стали предметом всестороннего, в том числе и весьма критического анализа. Однако за рамками прошедших дискуссий остался вопрос, имеющий, пожалуй, наиболее существенное значение для всего конституционно-правового развития постсоветской России, а именно вопрос о конституционности приватизации социалистической собственности, в результате которой были заложены основы нынешней системы отношений собственности на средства производства. В последнее время становится все более очевидным, что, реализованная

в России модель десоциализации социалистической собственности¹, обычно называемая приватизацией государственной собственности (принципиальная разница между этими двумя понятиями будет рассмотрена позднее), предопределила нелегитимность сформиро-

¹ По классификации Мирового банка российская приватизация социалистической собственности обозначена как инсайдерская, что намного хуже так называемой макиавеллевской приватизации, которая проводится «политическими партиями правительства в интересах собственных сторонников и собственного электората». – Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. Изд. 2-е. М., 2010. С.336.

Государственные институты и правовые системы

ванной системы отношений собственности и породила целый ряд серьезных политико-правовых деформаций², блокирующих нормальное конституционно-правовое развитие страны. Между тем специалисты в области конституционного права до сих пор не проявили сколько-нибудь заметного интереса ни к конституционно-правовой оценке приватизации социалистической собственности, ни к анализу деформирующего влияния проведенной (и проводимой) приватизации на развитие экономических и политико-правовых отношений.

Показательно, что в первом отечественном учебнике по конституционной экономике тема приватизации собственности на средства производства сводится главным образом к обоснованию тезиса о нецелесообразности анализа конституционности приватизационных актов 90-х годов. Авторы считают, что рассмотрение данного вопроса (чреватое, как они сами, судя по всему, полагают) признанием неконституционности осуществленной в эти годы приватизации, приведет к разрушению структуры «накопленного нормативного материала, составляющего базу и содержание конституционного принципа частной собственности»³. Это, пишут они, нарушит «преемственность правовых норм в сфере экономических отношений»⁴.

Однако очевидно, что в любом процессе преемственность хороша лишь тогда, когда процесс берет свое начало из надлежащего источника. Применительно к правовому регулированию сказанное означает, что исходные начала регулирования должны быть именно правовыми, т.е. соответствующими правовому принципу формального равенства. В противном случае развитие неизбежно заходит в тупик, суть которого один из авторов учебника – Г.А.Гаджиев – в другой своей работе сформулировал в виде следующего вопроса: можно ли считать, что «удел государства, связанного принципом правового государства, придерживаться лозунга: «Обеспечим неприкосновенность награбленной собственности?»⁵. Вопрос остался без ответа, однако отвечать на него рано или поздно придется.

Подобная внутренняя противоречивость в развитии российского конституционализма обусловлена тем, что Конституция, которую мы приняли в 1993 г.,

в принципиальном вопросе о собственности была и остается конституцией развитого буржуазного государства, выступающего в качестве модели желаемого будущего⁶. Это не конституция государства, осуществляющего сложный переход от одной формы собственности и основанного на ней устройства государственной и общественной жизни к другой форме собственности и к другому социально-политическому строю. Наша Конституция проигнорировала главный вопрос исторического момента – **вопрос о принципах десоциализации собственности**, полностью отдав его на откуп практике.

В результате новое социальное устройство формировалась не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве, а на основе негласного сговора между властью и сформированным ею крупным бизнесом, с одной стороны, и наиболее расторопной на тот момент частью общества – с другой. Сговора, осуществленного по схеме: «мы не возражаем против присвоения вами крупной собственности, а вы не мешайте нам участвовать в теневом перераспределении доходов от нее». Именно несправедливость в исходном этом моменте всех постсоциалистических преобразований предопределила слияние власти и собственности (когда без опоры на власть невозможно ни получить, ни удержать собственность), лишила крупных собственников социальной поддержки и поставила их в жесткую зависимость от власти, способствовала непрекращающемуся переделу собственности (с помощью как легальных инструментов, применяемых самим государством, так и многочисленных криминальных захватов), привела к бегству капитала из страны и к паразитарному использованию накопленных ранее ресурсов⁷, обусловила развитие авторитарных тенденций в политико-правовой сфере, породила среди значительной части общества гнету-

² См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С.123.

³ Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика // Учебник для вузов. М. Юстицинформ. 2006. С.276.

⁴ Там же. С.276-277.

⁵ Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №2. С.28.

⁶ В этой связи заслуживает внимания мысль А.Шайо о том, что «Конституция, которая бредит будущим совершенно непригодна для решения своей реальной функциональной задачи — она не способна защитить общество, его граждан от государственной власти. Окрыленное привлекательной идеей строительства светлого будущего, общество оказывается под пятой государства и государственной машины». – Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2001. С.11.

⁷ Достаточно сказать, что износ основных фондов почти в два раза превышает предельно критическое значение, а природно-ресурсная подсистема страны находится в режиме суженного производства. – Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской Академии наук. 2012. №7. С.593.

щее чувство несправедливости происходящего⁸, подорвала нравственные основы общества, девальвировала трудовую мотивацию людей и направила социальную активность в криминальное русло и т.д.

Проблема несправедливости проведенной в стране десоциализации значительной части социалистической собственности имеет **несколько конституционно значимых аспектов**.

Прежде всего (что лежит на поверхности и является главным источником социального напряжения) – это вызывающе несправедливый характер присвоения некоторыми немногими (т.е. олигархами в буквальном смысле этого слова) общего социалистического наследства, доставшегося всем нам по итогам кровавой большевистской «экспроприации экспроприаторов» и напряженного труда наших отцов, дедов и прадедов, жертвовавших своим настоящим «во имя светлого будущего». Причем, ситуация усугублена тем, что этими «немногими» оказались те, кто на момент дележа социалистического наследства в силу разных обстоятельств оказались ближе к бывшей коммунистической или новой демократической номенклатуре⁹, комсомольскому активу, силовым структурам, теневому бизнесу и криминалитету. Здесь наиболее очевидным нарушением Конституции является игнорирование требований ст.19, гарантирующей равенство всех перед законом (ч.1) и равенство прав и свобод человека и гражданина «независимо от ... имущественного и должностного положения, ... принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» (ч.2).

Еще один аспект рассматриваемой проблемы – это отступление от требований Конституции РФ, связанные с нарушениями приватизационного законодательства. Профессиональный анализ этой проблематики дан в Аналитической записке Счетной палаты РФ, где выявлены такие типы нарушений законодательства органами власти, как: «*превышение* органами испол-

нительной власти установленных законодательством *полномочий* в сфере распоряжения государственным имуществом; *невыполнение* органами исполнительной власти своих *непосредственных обязанностей* в сфере приватизации; необоснованное *занижение цены* продаваемых государственных активов; *притворность конкурсов* и *низкая результативность продаж*; отсутствие внешнего независимого контроля приватизационной подготовки государственных активов и результатов приватизационных сделок; *коррупция* в органах власти, отсутствие системы противодействия криминалу в сфере приватизации»¹⁰. По каждому из выделенных типов нарушений авторами проведена их детализация по видам (например, в ряду нарушений, связанных с превышением органами исполнительной власти своих полномочий указаны такие нарушения, как приватизация предприятий стратегического назначения, принятие органами власти субъектов Российской Федерации законов, не соответствующих федеральному законодательству, и т.п.), а также приведены многочисленные примеры.

Наиболее выразительный материал представлен аудиторами Счетной палаты по залоговым аукционам, проведенным в 1995-1996 гг., когда по схеме, закрепленной в ряде президентских указов, Правительство РФ получило кредит у нескольких коммерческих банков (участвовавших в аукционах на право договора кредита под залог акций), передав им взамен во временную собственность пакеты акций государственных предприятий. После того, как кредит возвращен не был, банки и связанные с ними предприниматели стали собственниками больших пакетов акций целого ряда крупнейших и конкурентоспособных в рамках мировой экономики предприятий страны. Причем, еще до организации аукционов Правительство РФ разместило на счетах этих банков денежные средства, эквивалентные сумме полученных кредитов (вопреки правилам проведения аукционов, деньги даже не были направлены на счет в Центральном банке России, а оставались на специальных счетах коммерческих банков). По итогам проверки аудиторами сделан вывод о том, что данные сделки «могут считаться притворными, поскольку банки фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами»¹¹. Кроме того, «в большинстве случаев состязательность при проведении аукционов не предполагалась. Из

⁸ По данным социологов 46% населения часто испытывают это чувство и столько же испытывают его иногда. См.: Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров / Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Фондом Эберта. М., 2011 С.60.

⁹ По классификации Мирового банка российская приватизация, ставшая исходным пунктом основных постсоциалистических преобразований, обозначена как инсайдерская, что намного хуже так называемой макиавеллевской приватизации, которая проводится «политическими партиями правительства в интересах собственных сторонников и собственного электората». – Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. Изд. 2-е. М., 2010. С.336.

¹⁰ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы. М., 2005. С.77.

¹¹ Там же. С.92.

Государственные институты и правовые системы

12 аукционов лишь в четырех случаях сумма кредита существенно превысила начальную цену»¹².

Эти сухие цифры и сдержанные выводы специалистов получили весьма красочное подтверждение в ходе судебного процесса «Б.Березовский против Р.Абрамовича», прошедшего в Высоком суде Лондона в 2011 -2012 гг. Суть спора сводилась к вопросу о том, был ли Б.Березовский обладателем акций «Сибнефти» (и тогда деньги, получаемые им от Р.Абрамовича, были его долей в общем бизнесе) или он получал плату за разного рода «криминальные услуги, связанные с коррумпированным патронажем ...», как по-русски это называется «предоставление крыши»¹³ (а значит, Б.Абрамович был вправе прекратить выплаты после того, как Б.Березовский потерял политическое влияние). В этом контексте и рассматривалась роль Б.Березовского в создании компании «Сибнефть» (на основе двух государственных предприятий – Омского НПЗ и «Ноябрьскнефтегаза»), а также включения этой компании в схему проведения залоговых аукционов. Р.Абрамович так описывал основную канву событий: «... мы договорились о том, что я буду выплачивать 30 млн. долларов в год на поддержание ОПТ (по схеме договоренностей Б.Березовского с президентским окружением деятельность ОПТ будет направлена «на поддержку господина Ельцина в ходе президентских выборов в июне 1996 г.»¹⁴ – В.Л.) и некоторых расходов господина Березовского. За это он мне поможет подписать документы и поможет получить подпись президента под этими документами, а также выпустить постановление правительства, которое регламентирует работу. В этом постановлении и президентском указе было написано, что 51% (акций «Сибнефти – В.Л.) закрепляется в федеральной собственности, 49% выставляются на аукцион (в случае, если государство, как ожидалось участниками залогового аукциона, не вернет долги – В.Л.). ...»¹⁵. Судья в своем решении по делу согласилась с позицией Р.Абрамовича, признав, что его свидетельства «правдивы и заслуживают доверия»¹⁶.

Однако главная проблема переживаемого страной исторического момента заключается не в том, что приватизация значительной части общей собственности проведена с нарушениями действовавших на

тот момент законов, и не в том, что по итогам приватизации сложилась олигархическая форма собственности на основные средства производства, и даже не в том, что назначенные властью олигархи оказались неэффективными собственниками. Главное – то, что **сама идея десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации изначально имела неправовой характер.**

Суть дела в том, что так называемая «социалистическая собственность» в принципе не может быть приватизирована правовым образом. Правовая приватизация как разгосударствление государственной собственности путем передачи ее частным лицам возможна лишь тогда, когда государство действительно является собственником в экономическом и правовом смысле данного понятия. В этой ситуации право владения, пользования и распоряжения соответствующим имуществом от государства как субъекта права собственности, участвующего в рыночном обороте наравне с иными субъектами права, может быть передано в частные руки. Но социалистическая собственность — это была по существу не собственность в ее экономико-правовом измерении, «а некий симбиоз монополии коммунистической политической власти с монополией хозяйской власти, сплав власти над членами общества с властью над его имуществом и богатством, сочетание власти над людьми с властью над обобществленными вещами, — словом, единый политико-производственный комплекс, централизованный фонд производительных сил страны (включая и самих производителей), находящийся в ведении монопольной коммунистической власти»¹⁷. Соответственно, и социалистическое государство в лице его партийной номенклатуры было не субъектом права собственности¹⁸, а представителем общества, лишь распоряжавшимся (не на основе права, а посредством принудительно-командных методов) не принадлежащим ему общественным достоянием¹⁹.

¹⁷ Там же. С.10.

¹⁸ Именно в ходе так называемого разгосударствления путем приватизации, подчеркивал В.С.Нерсесянц, была изменена природа социалистической собственности, и она впервые была огосударствлена в правовом смысле, предполагающем появление у государства права владения, пользования и распоряжения определенными (т.е. уже не всеми) объектами прежней общенародной собственности. «И только с помощью приватизации (и, следовательно, признания частной собственности и допущения неопределенного множества частных собственников) постсоветское государство как раз создало экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника». – Там же. С.46.

¹⁹ В этом контексте представляет интерес запись из дневника Л.Троцкого за 1936 г., где он говорит о том, что сталинская

¹² Там же.

¹³ Барцевский М. Счастливы неимущие. Судебный процесс Березовский-Абрамович. Лондон, 2011/2012. М..2013. Т.1. С.12.

¹⁴ Там же С.55.

¹⁵ Там же. С.590-591.

¹⁶ Там же. Т.2. С.972.

С точки зрения права это общественное (а вовсе не государственное!) достояние не может быть передано отдельным частным (т.е. не всем, а некоторым) лицам, потому что такая форма десоциализации общего достояния **противоречит правовому принципу формального равенства**, составляющего сущностную основу любого правового явления или процесса²⁰. В Конституции РФ этот принцип наиболее емким образом выражен в ч.1 ст.19 (все равны перед законом и судом), где обозначена сфера действия принципа равенства, и в ч. 3 ст.17 (осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц), где раскрыто его содержание. Наличие в Конституции РФ этих норм позволяет говорить **о приватизации социалистической собственности не просто как о правовой, но именно как о конституционно-правовой проблеме.**

Применение правового принципа формального равенства к разработке концепции десоциализации социалистической собственности стало тем теоретико-методологическим импульсом, который позволил В.С.Нерсесянцу еще в конце 80-х годов прошлого века сформулировать концепцию нового постсоциалистического общественного строя, «вписывающую» основные исторические итоги социализма в логику всемирно-исторического развития как «прогресса свободы, равенства и справедливости в жизни людей»²¹. Принцип правового равенства, считал он, должен быть последовательно применен прежде всего в отношении социалистической собственности. С позиций права все граждане — наследники этой собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано право на равную долю во всей десоциализируемой собственности, а соответственно — и на равную долю доходов от всех форм ее рыночного функционирования. Социалистическая собственность тем самым преобразуется в индивидуализированную гражданскую собственность, и каждый гражданин становится обладателем реального субъективного права на равный для всех минимум собственности. Новый строй с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью и соответствующим цивилитарным правом автор обозначил как **цивилизм** (от латинского

слова *civis* — гражданин). В организационно-правовом плане гражданская собственность представляет собой идеальную (т.е. не изымаемую в реальности) долю из общего Фонда гражданской собственности всех граждан. Сверх этого минимума допускаются все другие виды собственности, функционирующие в правовом режиме частной собственности²².

В основе концепции цивилизма лежат следующие взаимосвязанные теоретические положения:

– Собственность (и прежде всего собственность на средства производства) «является не просто одной из исходных и важных форм выражения прав и свобод людей, но и необходимой цивилизованной почвой для свободы и права вообще. Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, равенство, независимая личность и т. д.»²³.

– Идея отрицания частной собственности, сопровождавшая всю историю становления и развития частнособственнических отношений, не утратит своей актуальности до тех пор, пока собственность на средства жизнеобеспечения не будет доступна каждому человеку.

– Есть принципиальная разница между обществом с частной собственностью, которой по определению обладают не все (а как правило, меньшинство, потому что развитие частной собственности ведет к ее концентрации по логике накапливаемого преимущества) и обществом, где каждый имеет долю в собственности на средства производства. Наделение всех граждан индивидуальной собственностью «радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного и государственно-правового строя: одно дело — антагонизм между собственниками и несобственниками, и совсем другое дело — отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях пожизненного неотчуждаемого равного права каждого на минимум собственности»²⁴.

– Суть социализма состоит в последовательном отрицании частной собственности. В этом смысле социализм — это ни что иное как антикапитализм, т.е. своего рода негативная стадия в развитии мировой истории, подготовившая почву для такого синтеза (в рамках диалектической формулы «тезис — анти-тезис — синтез»), который «диалектически «снимает»

номенклатура рано или поздно захочет превратить свои привилегии в частную собственность. — Померанц Г. Топаем вместе // Новая газета. 13.03 — 16.03 2008. С.23.

²⁰ О правовом принципе формального равенства как триединстве равной меры, свободы и справедливости см.: Нерсесянц В.С. Философия права // Учебник для вузов. М., 2006. С.30-47.

²¹ Там же. С.149.

²² Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С.21.

²³ Там же. С.17.

²⁴ Там же. С.28.

Государственные институты и правовые системы

социализм и вместе с тем преобразует его итоги для единственно возможного и необходимого будущего»²⁵. Социализм – не ошибка Истории, а способ форсированного (а потому насильственного и кровавого) продвижения по пути исторически обусловленного преодоления частной собственности.

– Социализм воплотил идею отрицания частной собственности путем деперсонализации (обезличенья) субъекта собственности и придания статуса такого субъекта государству, которое, по сути дела, не являлось собственником ни в правовом, ни в экономическом смыслах этого понятия. Отсюда следует, что и постсоциалистическое государство не является собственником «социалистической собственности» и, следовательно, не вправе приватизировать ее. Подобные преобразования — это право народа, который не наделял государство правомочием по передаче общенародного достояния в частные руки. С позиций такого подхода «полное лишение политической власти права на бывшую социалистическую собственность является *необходимым условием для окончательного раскрепощения населения*, для формирования свободных граждан и свободных собственников»²⁶.

– В основе цивилизма как постсоциалистического общества должен лежать общественный договор «о собственности, о способах формирования и реальном содержании фонда общей гражданской собственности»²⁷. В рамках подобного договора, заключаемого между большинством членов общества, оказавшимся в результате приватизации без собственности на средства производства, меньшинством, получившим собственность по итогам приватизации, и государством, выступающим в двух своих ипостасях – в качестве собственника огосударствленных в ходе приватизации объектов прежней социалистической собственности и в качестве публичной власти. При этом речь должна идти обо всей социалистической собственности, а не только о собственности на природные ресурсы (с предложениями о различных вариантах использования природной ренты в интересах широких слоев населения выступает сейчас целый ряд известных экономистов и политиков).

Концепция цивилизма, изложенная автором в том числе и в широкой печати²⁸, до сих пор не восприня-

та представителями ни одной из политических сил. Отечественные²⁹ и зарубежные³⁰ либералы считают эту концепцию новой версией эгалитаризма социалистического толка. Приверженцы коммунистической идеологии, напротив, расходятся с цивилизмом в вопросе о сохранении частной собственности и присущей ей дифференциации в распределении социальных благ. Основная же, не столь политизированная, масса читателей отвергает в идее цивилизма как раз то, что составляет ее главное достоинство, а именно – концептуальную оформленность, идеологическую направленность (В.С.Нерсесянц трактовал цивилизм как национальную идею России) и претензию на универсализм³¹.

В неприятии концепции цивилизма научным сообществом сыграла свою роль также и накопившаяся в нашем обществоведении усталость от диктата догматического марксизма, породившая представления о том, что понятия «капитализм», «социализм» и т.п. не адекватны сложностям современного мира. Однако за этими понятиями стоят очень простые (а потому трудно оспоримые) идеи: 1) есть принципиальное различие между обществом, основанным на частной собственности (которое в его наиболее развитом виде представлено именно капитализмом), и социализмом как обществом, отрицающим частную собственность, и 2) это различие имеет существенное или, по крайней мере, важное значение для сферы политико-правовых отношений. Постсоветское обществоведение как-то слишком легко отбросило вместе с опостылевшими идеологическими догмами марксизма и основное содержание социальной философии К.Маркса – диалектическую взаимосвязь экономических (производственных) отношений и опосредующих эти отношения политико-правовых форм³². Однако если западное постиндустриальное общество уже давно не вписывается в упрощенные схемы эко-

²⁹ См.: Четвернин В.А. Предисловие к Ежегоднику либертарно-юридической теории. 2009. Вып.2 С.40.

³⁰ См.: Sproeder A. Stichwort Zivilismus. Geschichtskonstruktion und politisches Programm in der Rechtsphilosophie von V.S.Nersesjanc // Hamburg. 2004. S. 357-384.

³¹ Обоснованность этих претензий автора концепции цивилизма отмечает, в частности В.Д.Зорькин, который, пишет, что мировой финансово-экономический кризис «наглядно продемонстрировавший, что чрезмерная концентрация собственности в руках отдельных закрытых политических, экономических и чисто мафиозных структур, действующих в ущерб интересам большинства населения государств мира, становится слишком опасной, уже создал некоторые предпосылки для восприятия идей цивилизма». – Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 342.

³² См.: Ланаева В.В. Вопросы права в «Капитале» К.Маркса. М., 1982. С.27-40.

²⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 406.

²⁶ Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 24.

²⁷ Там же. С.53.

²⁸ Нерсесянц В.С. Постсоциалистическая Россия. Цивилизм как национальная идея // Независимая газета. 1995. 1 ноября.

номического детерминизма (хотя и там последний финансово-экономический кризис заметно подогрел интерес к марксизму), то наша реальность настолько груба и прямолинейна, что для ее анализа лучше всего подходят простые и наглядные теоретические модели. Показательно, что критики экономоцентризма за прошедшие десятилетия так и не предложили сколько-нибудь внятной теории общественного развития, пригодной для описания нынешних российских реалий. А марксова диалектика базисного экономического содержания и надстроечных политико-правовых форм является весьма эффективным теоретико-методологическим инструментом для их осмысления, заставляя задуматься об экономических предпосылках очевидных сбоев в политико-правовом развитии страны.

Но, пожалуй, главная причина столь явного нежелания всерьез обсуждать проблему выработки справедливых правовых основ преобразования постсоциалистической собственности кроется в боязни прикоснуться к болезненной точке национальной фрустрации, порожденной *крахом идеи социалистической справедливости* со всеми ее завышенными амбициями и несбывшимися надеждами. Несколько поколений россиян выдерживали колоссальное напряжение тотального отчуждения от собственности, а значит – от права и свободы, только потому, что были воодушевлены идеей построения справедливого общества как принципиально нового проекта будущего, имеющего общечеловеческое значение. Именно с дискредитацией этой идеи, выражавшей заявку России на всемирно-историческую миссию³³, связаны наиболее глубинные болевые точки современного общественного сознания россиян. Для значительной части населения ощущение уязвленности национального самосознания во многом обусловлено крушением претензий нашей страны на осуществление (пусть и далеко не совершенное) самостоятельного проекта справедливого общественного устройства, представляющего общечеловеческое значение.

³³ Хотя сам К.Маркс в своих экономических работах избегал понятия справедливости, но за его внешне бесстрастной позитивистской критикой капитализма как способа производства, не способного обеспечить дальнейшее развитие производительных сил, скрывалась та «моральная сила и романтическая эмоциональность», с которыми в своих ранних произведениях он резко критиковал капитализм с экзистенциальных позиций справедливости. (Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Новгород. 2004. С. 144). Именно с этим, судя по всему, и связана сила воздействия марксистской идеологии, придававшая ей сходство с религиозным учением и способствовавшая увлечению широких масс «строителей коммунизма» идеей мессианства.

Отсутствие внимания со стороны наших обществоведческих наук к проблеме справедливости (а соответственно – правомерности и конституционности) проведенной приватизации уже настолько очевидно, что представители других сфер интеллектуальной деятельности вынуждены призывать к тому, чтобы подобного рода вопросы «решали бы не только ... писатели и журналисты». Так, Ю.Арабов – в этой связи пишет «... Любой ребенок, если он знаком с «отсталой» советской политэкономией, – скажет, что всё дело ... в характере собственности, которая раздавалась «своим» и сформировала государство для «своих»³⁴. ... Нам не хватает честности, причем всем, не только «политической элите». Момент слишком ответственный, чтобы продолжать врать ... про то, как из ничего, из кричалок – возникнет вдруг разделение властей»³⁵.

Апологеты гайдаровско-чубайсовской модели капитализации российской экономики иногда оправдывают ее очевидную несправедливость ссылками на К.Маркса и, в частности, на его анализ роли насилия как способа первоначального накопления капитала, охотно цитируя его слова том, что «в действительности методы первоначального накопления – это все, что угодно, но только не идиллия»³⁶. Таким образом они хотят придать приватизации социалистической собственности видимость первоначального накопления капитала, предлагая принять за неизбежное ее несправедливость и как бы намекая на то, что со временем ситуация сама устроится по западному образцу с помощью возникшей благодаря приватизации «невидимой руки рынка». Но есть принципиальная разница между растянувшимся на века историческим процессом постепенного формирования «гигантской собственности немногих»³⁷ путем капитализации собственности мелких товаропроизводителей, с одной стороны, и одномоментной (по историческим меркам) десоциализацией общей социалистической собственности советского народа посредством ее номенклатурно-криминального раздела – с другой. И дело, разумеется, не в сроках преобразований, а в том, что эти процессы происходили в рамках разной исторической логики и им соответствовала разная степень социальной несправедливости.

С точки зрения общей логики исторического развития в ходе первоначального накопления капитала

³⁴ Арабов Ю. Я всего лишь за честный разговор с людьми. Монологи для «Новой» // Новая газета. 2012. 7 декабря.

³⁵ Там же.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.726.

³⁷ Там же. С.772

в Западной Европе помимо так красочно описанной К.Марксом экспроприации непосредственных производителей, совершаемой «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей»³⁸, было и другое, а именно – движение от феодализма с его сословными перегородками и привилегиями к формально-правовому равенству всех перед общим законом. Такое развитие находилось в русле расширения сферы равенства в отношениях между людьми. Это было время, когда на арену экономической и политической жизни вышли смелые, энергичные и талантливые представители зарождающейся буржуазии, которые были воодушевлены не только жадной наживы, но и идеями социальной справедливости в ее единственно возможной на тот период форме равенства перед общим для всех законом. При всей неизбежной ограниченности подобной справедливости, основанной на принципе «естественного отбора», она находилась в русле внутренней логики всемирно-исторического прогресса свободы, равенства и справедливости. Именно «попутный ветер Истории», способствовавший раскрепощению творческой активности людей, обеспечил колоссальный прорыв в развитии производительных сил формирующегося капиталистического общества. В России же именно «противоестественность» отбора тех, кто в силу разных обстоятельств, никак не связанных с их деловыми качествами, стали обладателями «гигантской собственности немногих», предопределила неофеодальный симбиоз власти и собственности, противоречащий логике исторического процесса.

Но даже на Западе несправедливость первоначального накопления капитала заложила мину замедленного действия под все капиталистическое общественное устройство. Эта мина не взорвалась в Западной Европе только потому, что Россия взяла на себя «всю черную работу всемирной истории, связанную с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи»³⁹, а Запад сумел вовремя сделать верные выводы из этого исторического эксперимента, сформулировав и осуществив на практике концепцию социального государства. Европа уже так далеко продвинулась на этом пути, что вплотную подошла к реализации такой модели социального государства, которая предполагает право каждого гражданина на

безусловный основной доход выплачиваемый государством безо всяких условий (без подтверждения потребности, без необходимости выполнения работы, без обложения налогом⁴⁰), т.е. право человека на избавление от библейского проклятья, обрекавшего его на трудное добывание «хлеба насущного».

Рассматривая идею безусловного основного дохода в контексте концепции цивилизма, важно отметить, что на Западе ее реализация не приведет к смене общественного устройств, поскольку, в отличие от России, осуществившей в результате колоссальных усилий и жертв социализацию собственности, там не созданы предпосылки для цивилитарного преобразования частной собственности отдельных лиц в индивидуальную собственность каждого гражданина. Гарантированный доход граждан – это всего лишь фиксированное денежное содержание, возможное как результат благотворительности собственников в пользу несобственников, в то время как цивилитарная гражданская собственность – это именно собственность, т.е. имущество, приносящее доход. А получаемое каждым гражданином цивилитарное право на равную долю доходов от общей собственности – это не итог исторически изменчивых договоренностей между собственниками и несобственниками, но именно неотчуждаемое природное право гражданина на определенную долю общей собственности.

Довольно экстравагантная для обыденного сознания россиян идея безусловного основного дохода имеет давнюю историю, серьезное философское обоснование⁴¹ и находится в центре дискуссий о справедливости, активно идущих в Западной Европе с 70-х годов прошлого века (если брать за точку отсчета выход книги Д.Ролза «Теория справедливости»), наряду с такими, столь же непривычными даже для философского

⁴⁰ За этой идеей уже стоит целая международная сеть BIEN (Basic Income Earth Network), в которую входят 17 национальных организаций из ряда развитых стран. в Германии уже несколько лет обсуждаются предложения о выплате каждому гражданину страны ежемесячной суммы в размере около 1,5 тыс. евро за счет отмены иных социальных выплат и изменения налогообложения (*Werner G. Das manische Schauen macht uns alle Krank // Stern. 2006. Vol. 17. S. 177-181.*). Недавно в Швейцарии собраны подписи в поддержку референдума о введении ежемесячной выплаты государства каждому гражданину в размере 2500 франков (2000 евро), а в американском штате Аляска Перманентный фонд ежемесячно платит каждому жителю около тысячи долларов (цифра колеблется в зависимости от цен на нефть, добываемую на Аляске). – *Поликовский А.* К вопросу о коммунизме // Новая газета. 22 ноября 2013.

См, напр.: *Фромм Э.* Здоровое общество. М., Прогресс», 1990. (гл. Глава VIII. «Путь к здоровому обществу» // Режим доступа: gramotey.com/?open_file=1269078496; Он же. Революция надежды. М., 2006. С. 223 и др.

³⁸ Там же.

³⁹ *Нерсесян В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С.44.

российского дискурса, темами, как роулзовско-дворкинская концепция «социализации талантов», суть которой состоит в признании необходимости как-то компенсировать менее одаренным от природы людям эту природную несправедливость⁴². Такое серьезное (по нашим меркам, – просто трепетное) отношение к проблеме социальной справедливости со стороны западного научного сообщества и общественного мнения свидетельствует об умении делать выводы из своего и чужого исторического опыта. На этом фоне еще более выразительно выглядит почти полное отсутствие до недавнего времени сколько-нибудь заметного интереса в российском обществе и общественном мнении к социальной справедливости, под которой следует понимать не перераспределение доходов «в пользу бедных»⁴³ (на чем делают акцент представители левого фланга политического спектра), а поиск социального идеала как модели для справедливого общественного устройства.

Ситуация начала меняться в последние годы, когда стали появляться монографии и проводиться научные мероприятия по проблематике социальной справедливости, в том числе и в ее соотношении с правом⁴⁴. При этом исследователи обычно фиксируют раскол российского общественного сознания в трактовке социальной справедливости⁴⁵, отмечают вопиющий разрыв между бедными и богатыми, признают несправедливость приватизации и говорят о ее влиянии на социальное расслоение, сетуют на безразличие богатых к судьбам бедных и т.д.

Эти исследования хорошо вписываются в теорию социокультурного раскола как специфически россий-

ского цивилизационного феномена, разработанную А.С.Ахиезером⁴⁶. Суть этого феномена он поясняет, в частности, на языке логики принятия решений. Всякое развитое решение формируется как некоторый новый смысл, т.е. как новая клеточка культуры, в рамках которой преодолеваются различия полюсов дуальной оппозиции. Это происходит либо инверсионным, т.е. жестко однозначным, односторонним путем, либо на основе синтеза смыслов, т.е. путем взаимопроникновения культур. Раскол – это гипертрофия инверсии⁴⁷. А раскол массового сознания в понимании справедливости – это предпосылка для того, чтобы силой или обманом (желающие всегда найдутся) навязать всему обществу одну из крайних противоборствующих версий с неизбежной расплатой в виде социальной инверсии.

Теория А.С.Ахиезера получила интересное развитие в книге И.Яковенко и А.Музыкантского «Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации». Представленную здесь концепцию манихео-гностических основ российской культуры можно рассматривать как новаторскую методологию исследования исторического развития расколотого общества. Речь идет о тех манихео-гностических пластах российской культуры, которые обрекают страну на вечный маятник между состоянием долгой социальной депрессии (что соответствует гностическому мировоззрению, в основе которого представление о богооставленности земного мира) и резким социальным взрывом, причиной которого являются манихейские основы массового сознания россиян, предполагающие резко дуалистическую картину мира с ее четким делением на добро и зло, на своих и врагов (отсюда и постоянные теории заговоров) и т.д. Основная идея книги заключается в том, что заложенный в российскую культурную матрицу гностический элемент, порождающий пресловутое русское долготерпение, имманентно связан с манихейской готовностью сорваться в бунт в самый неожиданный даже для квалифицированного наблюдателя⁴⁸ момент. Вся история развития России, считают они, может быть

⁴² Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011. С.82.

⁴³ Такая «социальная справедливость» – это всего лишь благотворительность (в данном случае – государственная), которая, по словам И.Канта, не имеет под собой принципа и «сводится к доброй воле в ее материальном выражении» (Цит. по: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С.231), а значит, и не имеет отношения к проблеме поиска принципов справедливости общественного устройства.

⁴⁴ Так, на III Международном юридическом форуме, проходившем в 2013 г. в Санкт-Петербурге впервые была организована секция «Право и справедливость в европейской правовой традиции». Аналогичная секция запланирована и на следующем Форуме в 2014 г.

⁴⁵ По мнению Б.Н. Кашникова, с которым соглашается Г.Ю. Канарш, в массовых представлениях россиян «эгалитарной справедливости, присущей современному индустриальному обществу, противостоят ... идея иерархической (статусной) справедливости, присущая обществу традиционному» – Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №2. С. 31. Цит. по: Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011. С.128.

⁴⁶ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1-2. Новосибирск, 1997-1998.

⁴⁷ Ахиезер А. Думы о России. От прошлого к будущему. М., 1993. С.12-13.

⁴⁸ «Социология, – пишут они в этой связи, – оценивает наличную степень готовности индивидуума к активным социальным действиям, которая может быть достаточно низкой. А следовало бы оценивать напряженность социального поля, некий пороговый уровень которой в состоянии радикально повысить эту готовность в считанные дни и даже часы» – Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М. 2012. с.238.

Государственные институты и правовые системы

представлена как чередование «периодов длительного доминирования гностических настроений и коротких ярких вспышек манихейского противоборства»⁴⁹.

Эту неспособность манихейского сознания к поиску компромисса другие авторы (например, А. Аузан) называют недоговороспособностью русского человека и общества в целом. Отсюда проистекают и все трудности правового развития, потому что право по своей сути – итог договора между равными. Причем такой договор между равными (в отличие от сговора между сильными, как у нас обычно бывает) имеет универсальное значение, поскольку таким «равным» в договоре может быть любой человек. В этом еще одно важное отличие расколотой российской ментальности от европейской (антиманихейской, по словам авторов) культуры, ориентированной на поиск универсальных правовых начал человеческого общежития.

Подобные мотивы исторической предопределенности неудач на пути демократического и правового развития России звучат в работах Г.Ю. Канарша, который делает акцент на глубинных причинах этих неудач, связанных с особым типом русского национального характера. По мнению автора, национальный характер, т.е. «определенный душевный склад, как он сложился на протяжении веков (и даже тысячелетий), представляет собой особую природную самозащиту, оберегающую человека (данного склада) от разного рода вредоносных воздействий (прежде всего воздействий природной среды, но также и социума)»⁵⁰. В этом смысле вслед за известным врачом-психиатром М. Е. Бурно он говорит об особой природной «выкованности» русского характера, отмечая в том числе и те его качества, которые предопределяют постоянные провалы попыток так называемого демократического транзита.

Можно, по-видимому, сказать, что наиболее существенные черты национального характера проявляются именно в осмыслении народом социальной справедливости. Ведь справедливость, как верно сказано – это «первая добродетель общественных институтов»⁵¹. Истоки особенностей русского понимания справедливости, следует, по мнению специалистов, искать в глубинах религиозно-философской антропологии, где формируется специфический для византийско-московского православия подход к оценке человека не по деяниям его, а *сквозь* них, по принципу «не важно, что

ты делаешь, важно, кто ты есть»⁵². Духовная свобода как свобода от греха оказывается здесь неизмеримо важнее «утилитарной» свободы в общественной жизни, которая неразрывно связана со справедливостью как признанием равной свободы другого человека. За этим компенсаторным преувеличением свободы духа можно увидеть исконно русское умение выживать в предложенных обстоятельствах, охранять свое духовное начало и человеческое достоинство от гнета бесчеловечных условий внешней (природной и социальной) среды. И трудно сказать, где тут кончается внутренняя свобода и начинается рабская покорность внешним обстоятельствам. Из этого вынужденного пренебрежения внешней свободой растет и склонность русских к анархической воле как личному произволу, представляющему собой антипод правовой свободы. Такое, во многом компенсаторное, понимание свободы предопределяет и характерную для русской религиозно-нравственной философии, трактовку справедливости как категории не правового, а религиозно-нравственного порядка⁵³. Ведь там, где нет правовой свободы нет и не может быть правовой справедливости.

Правда, в отличие от многих ученых и политиков, спешащих по старой русской традиции возвести эту беду в добродетель, указанные выше авторы рассматривают сложившуюся ситуацию именно как беду и хорошо понимают ее масштабы. При этом они так глубоко анализируют довлеющие над Россией исторические и геополитические условия ее жизнедеятельности, так убедительно описывают их цепкие тиски, не позволяющие стране вырваться из «наезженной колеи» ее цивилизационного развития, что остается неясным, на чем основан присутствующий в их работах сдержанный оптимизм, суть которого выражена тезисом: будущее можно творить⁵⁴. Работу по сотворению будущего они связывают с культурными инновациями, способствующими формированию «срединной культуры», которая заполнила бы новыми жизненными смыслами пустоты между полюсами культурного раскола⁵⁵, с терапией манихейских комплексов путем социокультурной реформации, направленной на «формирование и закрепление

⁴⁹ Там же. Цит. соч. С.217.

⁵⁰ Канарш Г.Ю. Цит. соч. С. 218-129

⁵¹ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С.19.

⁵² Синченко Г.Ч. От митрополита Илариона до Н.А.Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. М., 2000. №1. С. 16, 18.

⁵³ См.: Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010, 5. Стр.3-14.

⁵⁴ Яковенко И., Музыкантский А. Цит. соч. С.240.

⁵⁵ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.2. С.488.

в культуре новой системы ценностных координат»⁵⁶ и т.п. С этим нельзя не согласиться. Однако если подобная работа не будет сконцентрирована на тех главных направлениях, в которых через вековые наслоения нерешенных «русских вопросов» пульсирует нерв новейшей истории России, то она растянется на исторически необозримое время и вряд сможет достичь цели.

В сложившейся ситуации исключительно важно, чтобы интеллектуальная элита страны сумела бы и успела бы внятно, честно и доступно для массового сознания сформулировать те объединяющие общество конкретные жизненные смыслы, которые отвечают главным социальным запросам сегодняшнего дня. Если под углом зрения этих задач интерпретировать концепцию цивилизма, то можно сказать, что ее автор предлагает **искать способы преодоления российского социокультурного раскола в смысловом пространстве идеи справедливости** и прежде всего – в его наиболее актуальной «болевым точке», связанной с вопросом о **справедливости десоциализации социалистической собственности**. При этом (что принципиально важно с точки зрения возможностей практической реализации идеи цивилизма) данная концепция очерчивает *правовые* параметры такой десоциализации, позволяющие вписать ее в рамки действующей Конституции. И хотя в время для реализации концепции цивилизма в значительной мере упущено, тем не менее ее научный потенциал позволяет и в сложившихся условиях определить конституционно-правовые контуры **общественного договора о собственности**, без достижения которого невозможно нормальное экономическое и политико-правовое развития страны.

Библиография:

1. Арабов Ю. Я всего лишь за честный разговор с людьми. Монологи для «Новой». Знаменитый сценарист и писатель задает вопросы власти и оппозиции // Новая газета. 2012. 7 декабря.
2. Ахиезер А. Думы о России. От прошлого к будущему. М., 1993
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1-2. Новосибирск, 1997-1998.
4. Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика // Учебник для вузов. М. 2006.
5. Барщевский М. Счастливы неимущие. Судебный процесс Березовский-Абрамович. Лондон, 2011/2012. М., 2013. Т.1. С.12.
6. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №2.
7. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской Академии наук. 2012. №7.
8. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.
9. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.
10. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011.
11. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Новгород. НовГУ. 2004.
12. Лапаева В.В. Вопросы права в «Капитале» К.Маркса. М., 1982
13. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.726.
15. Нерсесянц В.С. Философия права // Учебник для вузов. М., 2006. С.30-47.
16. Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С.21.
17. Поликовский А. К вопросу о коммунизме // Новая газета. 22 ноября 2013.
18. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск. 1995.
19. Синченко Г.Ч. От митрополита Илариона до Н.А.Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. М., 2000. №1.
20. Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2001.
21. Померанц Г. Топаем вместе // Новая газета. 13.03-16.03 2008. С.23.
22. Четвернин В.А. Предисловие к Ежегоднику либертарно-юридической теории. 2009. Вып.2 С.40.
23. Фромм Э. Здоровое общество. М., Прогресс», 1990. (гл. Глава VIII. «Путь к здоровому обществу» // Режим доступа: gramotey.com/?open_file=1269078496

⁵⁶ Яковенко И., Музыкантский А. Цит. соч.. С.311.

Государственные институты и правовые системы

24. Фромм Э. Революция надежды. М., 2006. С. 223 и др. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., Издательство Московского гуманитарного университета. 2011.
25. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006.
26. Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М. 2012.
27. Sproeder A. Stichwort Zivilismus. Geschichtskonstruktion und politisches Programm in der Rechtsphilosophie von V.S.Nersesjanc // Hamburg. 2004.
28. Werner G. Das manische Schauen macht uns alle Krank // Stern. 2006. Vol.17.
28. Глигич-Золотарева М.В. «Увлечение общими местами» и ценностный компонент конституционализма // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 3. – С. 296 – 317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
29. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Конституционные основы информационной свободы в России // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 10. – С. 35 – 92. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9617.html
30. Тихонов А.В. Правовые аспекты управления федеральным имуществом // Политика и Общество. – 2013. – 9. – С. 1150 – 1155. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.9.9448.
31. Г. А. Колобова Российская приватизация как политико–государственный механизм преобразования отношений собственности // Политика и Общество. – 2012. – 3. – С. 13 – 22.
- М., 2013. Т.1. S.12. 6 Gadzhiev G.A. Printsipy prava i pravo iz printsiptov // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2008. №2.
6. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 2012. №7.
7. Zor'kin V.D. Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiya. M., 2010.
8. Zor'kin V.D. Pravo v usloviyakh global'nykh peremen. M., 2013.
9. Kanarsh G.Yu. Sotsial'naya spravedlivost': filosofskie kontseptsii i rossiiskaya situatsiya. M., 2011.
10. Kashnikov B.N Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii. Novgorod. NovGU. 2004.
11. Lapaeva V.V. Voprosy prava v «Kapitale» K.Marksa. M., 1982
12. Lapaeva V.V. Rossiiskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoi filosofsko-pravovoi traditsii // Voprosy filosofii. 2010.
13. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T.23. S.726.
14. Nersesyants V.S. Filosofiya prava // Uchebnik dlya vuzov. M., 2006. S.30-47.
15. Nersesyants V.S. Natsional'naya ideya Rossii vo vseмирno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o tsivilizme. M., 2001. S.21.
16. Polikovskii A. K voprosu o kommunizme // Novaya gazeta. 22 noyabrya 2013.
17. Rolz D. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk. 1995.
18. Sinchenko G.Ch. Ot mitropolita Ilariona do N.A.Berdyayeva. Tsyacheletnii oksyumoron russkoi filosofii prava // Filosofiya prava. M., 2000. №1.
19. Shaio A. Samoogranichenie vlasti. Kratkii kurs konstitutsionalizma. M., 2001.
20. Pomerants G. Topaem vmeste // Novaya gazeta. 13.03-16.03 2008. S.23.
21. Chetvernin V.A. Predislovie k Ezhegodniku libertarno-yuridicheskoi teorii. 2009. Vyp.2 S.40.
22. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo. M., Progress», 1990. (gl. Glava VIII. «Put' k zdorovomu obshchestvu») // Rezhim dostupa: gramotey.com/?open_file=1269078496
23. Fromm E.. Revolyutsiya nadezhdy. M., 2006. S. 223 и др. Канарш Г. Ю. Sotsial'naya spravedlivost': filosofskie kontseptsii i rossiiskaya situatsiya. M., Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2011.
24. Khaiek F. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. M., 2006.

References (transliteration):

1. Arabov Yu. Ya vsego lish' za chestnyi razgovor s lyud'mi. Monologi dlya «Novoi». Znamenitii stsenarist i pisatel' zadaet voprosy vlasti i oppozitsii // Novaya gazeta. 2012. 7 dekabrya.
2. Akhiezer A. Dumy o Rossii. Ot proshlogo k budushchemu. M., 1993
3. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T.1-2. Novosibirsk, 1997-1998.
4. Barenboim P.D., Gadzhiev G.A., Lafitskii V.I., Mau V.A. Konstitutsionnaya ekonomika // Uchebnik dlya vuzov. M. 2006.
5. Barshchevskii M. Schastlivy neimushchie. Sudebnyi protsess Berezovskii-Abramovich. London, 2011/2012.

25. Yakovenko I., Muzykantskii A. Manikheistvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoi tsivilizatsii. M. 2012.
26. Sproeder A. Stichword Zivilismus. Geschichtskonstruktion und politisches Programm in der Rechtsphilosophie von V.S.Nersesjanc // Hamburg. 2004.
27. Werner G. Das manische Schauen macht uns alle Krank // Stern. 2006. Vol.17.
28. Gligich-Zolotareva M.V. «Uvlechenie obshchimi mestami» i tsennostnyi komponent konstitutsionalizma // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 3. – С. 296 – 317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
29. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Konstitutsionnye osnovy informatsionnoi svobody v Rossii // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – 10. – С. 35 – 92. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9617.html
30. Tikhonov A.V. Pravovye aspekty upravleniya federal'nym imushchestvom // Politika i Obshchestvo. – 2013. – 9. – С. 1150 – 1155. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.9.9448.
31. G. A. Kolobova Rossiiskaya privatizatsiya kak politiko– gosudarstvennyi mekhanizm preobrazovaniya otnoshenii sobstvennosti // Politika i Obshchestvo. – 2012. – 3. – С. 13 – 22.